

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-145-154

И.Ю.Хрулёва

**РЕГИОНАЛЬНОЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ
В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

I.Yu. Khruleva

**REGIONAL AND CENTRAL DIMENSION
OF STATE POLICY OF MEMORY
IN THE LATE SOVIET PERIOD**

Аннотация. В появлении и развитии двух главных позднесоветских проектов мемориальной политики — «Города-герои» и «Золотое кольцо» — было много как различий, так и точек пересечения. Каждый из них апеллировал к определенной выборке регионов, и борьба за включение в проекты представляла собой взаимодействие, а иногда и противостояние акторов союзного, республиканского и регионального уровней. Оба они были «витринными» туристическими маршрутами как для отечественного, так и для зарубежного туризма. Монография Е.М. Болтуновой и Г.С. Егоровой «Территория и история: позднесоветские проекты “Города-герои” и “Золотое кольцо”» вносит значительный вклад в изучение двух мемориальных проектов позднесоветского общества, которые дали ему нечто большее, чем новые места памяти и туристические маршруты: они сформировали альтернативные мифы основания, которые конкурировали с основополагающим советским нарративом. Новаторством монографии является постановка задачи найти точки пересечения в истории, казалось бы, совершенно не связанных друг с другом проектов: работа Е.М. Болтуновой и Г.С. Егоровой о том, как общество и власть искали и создавали новые национальные смыслы и ориентиры. Города, отмеченные званием «Городов-героев», стали постепенно соотноситься в публичной исторической памяти с территориями самых главных сражений Великой Отечественной войны, в то время как ряд городов и регионов, которые «выпали» из проекта «Города-герои», оказались и вне программы государственной мемориализации военных со-

---

Хрулёва Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Khruleva Irina Yurievna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

irinakhruleva@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8888-9091

бытий 1941–1945 гг. Вопрос состава и границ также стал одним из ключевых аспектов разработки маршрута «Золотое кольцо». Представители каждой области старались максимально убедительно обосновать необходимость обратить внимание при реализации проекта на тот или иной город или район, так как включение города в маршрут позволило бы соответствующему региону получить дополнительные ресурсы для развития. Авторы монографии подробно останавливаются на взаимовлиянии проектов на уровне нарративов и визуальной составляющей, а также на самопозиционировании территорий, входящих в проекты, и их восприятии.

Ключевые слова: культурная память, политика памяти, коммеморативные практики, «Город-герой», «Золотое кольцо», Великая Отечественная война.

Abstract. The two major late-Soviet memorial policy projects, “Hero Cities” and “Golden Ring”, had many differences as well as points of intersection in terms of their emergence and development. Each of them appealed to a specific sample of regions, and the struggle for inclusion in the projects was fought at the union, republican, and regional levels. Both were “showcase” destinations for domestic and foreign tourism. E.M. Boltunova and G.S. Yegorova’s monograph “Territory and History: Late Soviet Projects *Hero Cities* and *Golden Ring*” makes a significant contribution to the study of two memorial projects of late Soviet society, which provided for it more than new places of memory and tourist routes: they formed alternative foundation myths that competed with the underlying Soviet narrative. The novelty of the monograph is the task of finding points of intersection in the history of seemingly completely unrelated projects: E.M. Boltunova and G.S. Yegorova’s work is about how society and power searched for and created new national meanings and reference points. The cities marked with the title of “Hero Cities” began to be gradually correlated in public historical memory with the territories of the most important battles of the Great Patriotic War, while a number of cities and regions that “fell out” of this project found themselves outside the program of state memorialization of the war 1941–1945. The issue of composition and boundaries also became one of the key aspects of the Golden Ring route development. Representatives of each region tried to justify as convincingly as possible the necessity to pay attention to this or that city or district when implementing the project, as the inclusion of a city in the route would allow the corresponding region to get additional resources for development. The authors of the monograph dwell in detail on the mutual influence of the projects at the level of narratives and visual components, as well as on the self-positioning of the territories included in the projects and their perception.

Keywords: cultural memory, politics of memory, commemorative practices, Hero City, Golden Ring, the Great Patriotic War.

* * *

За последние десятилетия в нашей стране история памяти превратилась в самостоятельную область исторической науки. Появляется все больше интересных исследований по истории отдельных мемориальных проектов, которые изучены как с точки зрения

государственной политики памяти, так и с точки зрения «низовой инициативы»¹. Исследование политики памяти сопровождается интенсивным обогащением методологического инструментария изучения данной проблематики. Большая часть этих исследований выполнена специалистами в области политологии, социологии и антропологии, и в этой связи нельзя не приветствовать работу историков Е.М. Болтуновой и Г.С. Егоровой, в центре внимания которых сразу два позднесоветских проекта — «Золотое кольцо» и «Города-герои»². Стремление не только понять процесс формирования и развития проектов, но и оспорить конвенциональные положения, связанные с их историей, придает этой книге актуальность.

Новаторством можно признать постановку задачи найти точки пересечения в истории, казалось бы, совершенно не связанных друг с другом проектов. Оба представляют собой территориальные общности Центральной России, а также отдельных городов Украины и Белоруссии. История проектов по отдельности уже становилась предметом исследования отечественных и зарубежных историков, однако их изучение, преимущественно строилось вокруг истории конкретных городов³. Несмотря на то что за последнее время появились работы, авторы которых предприняли попытку реконструировать историю проектов комплексно⁴, представленной монографии есть чем удивить читателя. Во-первых, новой оптикой, которая ставит под сомнение привычное: авторы книги задаются вопросом, что, если выборка городов-героев зависела от общественного запроса (и усилий локальных акторов), а вхождение территорий в маршрут «Золотое кольцо» было частью большого государственного проекта и не связано с интенцией журналиста Юрия Бычкова? Кроме этого, авторы во многом отталкиваются не от привычного хронологии «рас-

---

¹ Политика памяти в России — региональное измерение / Под ред. А.И. Милера и др. М., 2023.

² Болтунова Е.М., Егорова Г.С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022. 400 с.

³ Аксёнова А.И. Суздаль. XX век: Страницы истории. Владимир, 2003; Вакарчук А.Ю. Туристический маршрут «Золотое кольцо» и Ивановская область: как все начиналось (конец 1960-х—1970-е гг.) // Труды Ивановского областного краеведческого общества / Под ред. К.Е. Балдина, В.В. Возилова. Вып. 1. Иваново, 2018. С. 128–135; Davis V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City. London, 2018; Qualls K. D. From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II. Ithaca, 2010.

⁴ Pattle Sh. Forging the Golden Ring: Tourist Development and Heritage Preservation in the Late Soviet Union // The Slavonic and East European Review. 2018. Vol. 96. N 2. P. 283–309; Mijnsen I. Russia's Hero Cities: from Postwar Ruins to the Soviet Heroarchy. Bloomington, 2021; Понов А.Д. «Созвездие вечной славы»: города-герои Советского Союза в географическом и символическом пространстве // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 2. С. 70–87.

ширения» проектов, а «проблематизируют отсутствие» территорий, которые, по определенным причинам, оказались аутсайдерами. Авторам удалось пересмотреть даже хронологию появления проектов: выйдя далеко за пределы не только конвенциональных 1960-х и периода Великой Отечественной войны, им удалось обнаружить формирование проектов на уровне ментальной географии еще в конце XIX в. И, бесспорно, самым большим достижением книги стала гипотеза о том, что два мемориальных проекта дали позднесоветскому обществу нечто большее, чем новые места памяти и туристические маршруты — они сформировали альтернативные мифы основания, которые конкурировали с основополагающим советским революционным нарративом. В конечном итоге, работа Е.М. Болтуновой и Г.С. Егоровой — о том, как социум и власть искали и создавали новые национальные смыслы и ориентиры, которые и в настоящий момент определяют российского человека.

Для того чтобы изучить проекты в компаративном ключе, авторы книги посетили тридцать центральных и региональных архивохранилищ России и Республики Беларусь и привлекли источники самого широкого спектра — от законодательных актов и делопроизводственной документации до прессы, эго-документов и источников визуального ряда. В архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Владимира, Волгограда, Воронежа, Иваново, Костромы, Курска, Мурманска, Нижнего Новгорода, Орла, Симферополя, Смоленска, Тулы, Ярославля были проанализированы законодательные акты Верховного Совета СССР, материалы протоколов и постановлений Совета Министров РСФСР и СССР, Министерства культуры РСФСР, материалы фондов центральных и областных отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), обкомов и горкомов КПСС, источники личного происхождения, а также материалы, связанные с подготовкой к путешествию Александра III по центральным регионам России в 1881 г. и организацией празднования 300-летия династии Романовых в 1913 г. Большое внимание в книге отводится анализу общественного восприятия презентационных моделей через эго-документы (телеграммы и письма в центральные и региональные органы власти, книги отзывов музеев и др.). Выгодным дополнением к архивным источникам можно считать использование материалов интервью наших соотечественников и иностранцев, которые в советский период путешествовали по маршруту «Золотое кольцо». Многие привлеченные источники (как региональные материалы, так и документы центральных архивохранилищ) впервые вводятся в научный оборот.

Исследование состоит из введения, четырех глав, заключения и приложений. Первые две главы посвящены становлению каждого из проектов в отдельности. В появлении и развитии проектов много различий, при этом авторы книги обращают внимание читателя и на их точки пересечения. Начальным этапом для двух проектов стал период Великой Отечественной войны. Каждый из них апеллировал к определенной выборке регионов, и борьба за включение в проекты представляла собой взаимодействие, а иногда и противостояние, акторов союзного, республиканского и регионального уровней. Очень важно, что авторы смогли раскрыть, что на включение/исключение территорий оказывали влияние не только партноменклатура, но и другие институции, одной из которых было Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

Авторы монографии ставят интереснейший вопрос о критериях отбора того или иного города для советского проекта «Город-герой» и справедливо отмечают, что «вопрос о содержательной стороне выборки и о причинах наделения статусом именно этой группы городов в литературе никогда не ставился. В частности, до настоящего момента не проводился анализ того, как именно символический капитал проекта «Города-герои» распределялся между тремя республиками СССР — РСФСР, УССР и БССР⁵. Ведь современники «без труда могли перечислить десятки городов, которые месяцами оборонялись и были практически стерты с лица земли, но не попали в этот список. Даже бывшие у всех на слуху Смоленск, Курск, Ржев или Воронеж в этом контексте никогда не фигурировали» (с. 22).

Города, отмеченные званием «Городов-героев», стали постепенно соотноситься в публичной исторической памяти с территориями самых главных сражений Великой Отечественной войны. В этой связи авторы монографии обращают внимание на изменения в изложении материала по теме Великой Отечественной войны в советской учебной литературе: «в середине 1970-х гг. в самом обобщенном рассказе из школьного учебника война представлялась цепью трагических и одновременно героических событий — они начинались от стен Брестской крепости, разворачивались у Москвы, в Севастополе, Ленинграде, Сталинграде, а затем — за пределами СССР» (с. 9).

«По сути, с середины 1960-х гг. повествование о Великой Отечественной войне оказывалось в значительной степени обусловлено развитием проекта «Города-герои». Присвоение статуса очередной территории вело к корректировке нарратива, при этом города, по-

---

⁵ Болтунова Е.М., Егорова Г.С. Указ. соч. С. 9. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

падавшие в поле зрения авторов учебных текстов ранее, но оказавшиеся вне наградной повестки, последовательно вытеснялись из повествования» (с. 10).

Ряд городов и регионов в советскую эпоху — в силу ряда причин, на которых подробно останавливаются авторы монографии — просто «выпали» из проекта «Города-герои» и, шире, государственной мемориализации событий Великой Отечественной войны. В этом отношении показательна история Воронежа, «который в советских учебниках истории 1950-х гг. упоминали рядом со Сталинградом — настолько схожи были два города по длительности развернувшихся здесь сражений, формам осады и чудовищному уровню разрушений. Воронеж, осажденный во время войны румынскими и венгерскими частями, устраивавшими здесь дикие карательные акции (пытки гражданского населения, расстрел раненых и больных психиатрической клиники и др.), в послевоенный период оказался вне большого нарратива о войне» (с. 118). Дело в том, что советское руководство стремилось позиционировать страны социалистического лагеря — Румынию и Венгрию — как пространства антифашистской борьбы, и государственная мемориализация событий в Воронеже вступала бы в явное противоречие с этой тенденцией.

Вопрос состава и границ проекта также стал одним из ключевых аспектов, который обсуждался во второй половине 1960-х гг. в связи с открытием маршрута «Золотое кольцо». Действительно, в Московской, Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областях было множество древних городов с важными для истории страны памятниками. Представители каждой области старались максимально убедительно обосновать необходимость обратить внимание при реализации проекта на тот или иной город или район, так как включение города в маршрут позволило бы соответствующему региону получить дополнительные ресурсы для развития (с. 167). Авторы монографии задаются вопросом, почему из множества городов Центральной России, имеющих уникальные памятники, «флагманским» городом-музеем стал именно Суздаль, и дают на него развернутый ответ. Повествование о проекте «Золотое кольцо» начинается с письма академика Петра Капицы 1945 г., адресованного секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову под заголовком «Меморандум о памятниках старины Владимирской области». Пораженный величием древней архитектуры Суздаля, Капица одновременно был шокирован состоянием, в котором она находилась. «Примечательно, что декларацию о необходимости вернуть историческое наследие страны из небытия, осознать его значение, изучить, полю-

бить, и, наконец, больше никогда не терять, Капица выстраивал на апелляциях к едва закончившейся войне. “Ведь немцев «победили... продолжая лучшие традиции русского полководчества», — писал ученый” (с. 122). Эта апелляция к Великой Отечественной войне, по мнению авторов монографии, была совсем не случайной, так как «война изменила официально декларируемую позицию государства в отношении сохранения памятников прошлого. Примечательно, что понятие “зверства немецко-фашистских захватчиков”, широко использовавшееся в советский период, впервые прозвучало лишь спустя полгода после начала войны, в ноте народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова от 6 января 1942 г., появившейся в связи с разрушением немцами усадьбы Л.Н. Толстого Ясная Поляна. В ноте Молотова среди перечисленных чудовищных случаев убийств и сожжения заживо жителей городов и деревень, а также указаний на грабежи и подрывы промышленных объектов вдруг появилась и зазвучала история про наследие России, его ценность и боль от его утраты» (с. 125).

Суздаль стал идеальным выбором в качестве «флагманского» города «Золотого кольца» в силу целого ряда причин: он расположен недалеко от Москвы, что делало его доступным для туристов; свою роль сыграла активная общественная позиция ученых, занимавшихся историей древнерусского искусства. «Историки, архитекторы, реставраторы, художники использовали отсылки к факту разрушения памятников в годы войны в качестве довода о необходимости сохранить то, что чудом осталось незатронутым. Безусловно, важным аспектом стал и выразительный городской ландшафт Суздаля, сочетающий в себе камерность пространства, многочисленные памятники архитектуры и уютные деревянные домики на фоне природы среднерусской полосы» (с. 134).

Авторы монографии отмечают особый, привилегированный статус Владимирской области, даже с точки зрения получения и распределения ресурсов от туризма, внимательно проанализировав объемы капиталовложений в область и освоение ею средств (с. 189). Однако особый статус «обеспечил этом региону и определенные трудности. Рост интереса к прошлому страны и развитие туризма проходило в одно время с развертыванием целого ряда других советских проектов, одним из которых была хрущевская антирелигиозная кампания. Это породило прямое столкновение двух тенденций: путешествия по Центральной России были выстроены вокруг памятников древнерусской храмовой архитектуры, которые, по мнению органов атеистической пропаганды, были очагом распространения религиозности» (с. 194).

В отличие от жителей Владимирской области, ярославцы, например, отвоевывали себе место в проекте за счет инициативности местной администрации и общественных организаций. Ярославль сделал ставку на активность, формирование и продвижение собственного бренда. В 1970-е гг. туризм в Ярославской области активно развивался и к концу десятилетия стал важной отраслью экономики области (с. 200–201).

Как поясняют авторы во введении к книге, два проекта «рассматриваются в едином социально-политическом контексте. Эта оптика позволила установить, что проекты разворачивались в рамках зачастую схожих политических задач и в долгосрочной перспективе воздействовали друг на друга» (с. 15). Взаимовлиянию проектов посвящена третья глава книги. Оба они были «витринными» туристическими маршрутами как отечественного, так и зарубежного туризма. Кроме этого, авторы подробно останавливаются на взаимовлиянии проектов на уровне нарративов и визуальной составляющей, а также на самопозиционировании территорий, входящих в проекты, и их восприятию. Отметим, что сближение проектов проводится в книге осторожно, без искусственного связывания и поиска надуманных точек пересечения. При этом проекты представлены не как противоположности, а как взаимосуществующие альтернативы советскому «мифу основания», связанному с революцией, которые с определенного момента составили ему существенную конкуренцию.

Детально рассматривая туристический потенциал двух проектов позднесоветского периода и сравнивая значение флагманов каждого из них (Волгограда и Суздаля), авторы монографии приходят к интересному выводу о том, что «в идеализированном, развернутом в сторону иностранного наблюдателя образе советской страны и Суздаля, и Сталинграду (Волгограду) отводилась своя роль. Город-музей и город-герой по сути являлись городами-памятниками, основной задачей которых было вызвать у посетителей ощущение полного погружения в пространство памяти: для гостей Сталинграда это была трансгрессия в подвиг советского народа, для туристов в Суздале — путешествие в русскую сказку. Еще в конце войны оба города фактически стали музеями — военной славы и русского искусства. В последующие десятилетия, находясь на разных полюсах восприятия (мощь и размах vs камерность и аутентичность) и отвечая за разные аспекты презентации (память о войне vs дореволюционное наследие страны), Сталинград (Волгоград) и Суздаль часто оказывались вместе» (с. 238–239).

Последняя глава посвящена «прошлому и будущему» проектов. Анализ имперских корней маршрута «Золотое кольцо» — один из самых интересных и глубоких в работе. Однако изучение поездки последнего императора по городам будущего «кольца» кажется недостаточным, хотелось бы, чтобы авторы подробнее раскрыли перенесение имперских ассоциаций на позднесоветский маршрут. Хотелось бы пожелать авторам развернуть в будущем этот прекрасный раздел в самостоятельное исследование. Изучение трансформаций проектов в постсоветский период придает работе законченный, цельный характер.

У книги «Территория и история» множество сильных сторон, среди которых не только постановка новых исследовательских вопросов, привлечение впечатляющего спектра материалов центральных и региональных архивохранилищ, а также использование новых методологических подходов (истории эмоций, истории памяти, ментальной географии и пр.). Все выводы авторов книги фундированы и обоснованы, опираются на глубокий анализ и прекрасное знание как первоисточников, так и отечественной и зарубежной литературы.

Представляю к рецензированию монографию можно смело рекомендовать для чтения самой широкой публике: как представителям академического сообщества, так и всем интересующимся отечественной историей. Нет сомнений, что книга будет востребована еще многие годы, а результаты, полученные в ходе исследования станут отправной точкой для работ последователей.

References

Aksyonova A.I. *Suzdal'. XX vek: stranitsy istorii* [Suzdal. The 20th Century: Pages of History]. Vladimir: Arkaim, 2003. 288 p.

Boltunova E.M., Yegorova G.S. *Territoriya i istoriya: posledniye sovetskiye proyekty "Goroda-geroi" i "Zolotoye kol'tso"* [Territory and History: Late Soviet Projects of Hero Cities and Golden Ring]. Moscow: Kuchkovo pole, 2022. 400 p.

Davis V. *Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City*. London: I.B. Taurus, 2018. 368 p.

Mijnssen I. *Russia's Hero Cities: From Postwar Ruins to the Soviet Heroarchy*. Bloomington: Indiana University Press, 2021. 332 p.

Pattle Sh. *Forging the Golden Ring: Tourist Development and Heritage Preservation in the Late Soviet Union // The Slavonic and East European Review*. 2018. Vol. 96. N 2. P. 283–309.

Politika pamyati v Rossii — regional'noye izmereniye [Memory Policy in Russia. Regional Dimension] / Ed. by A.I. Miller et al. Moscow: INION RAN, 2023. 471 p.

Popov A.D. "Sozvezdiye vechnoy slavy": goroda-geroi Sovetskogo Soyuza v geograficheskom i simvolicheskom prostranstve ["Constellation of Eternal Glory": Hero Cities

of the Soviet Union in Geographical and Symbolic Space] // *Novoye proshloye / The New Past*. 2019. N. 2. P. 70–87.

Qualls K.D. *From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II*. Ithaca: Cornell University Press, 2010. 232 p.

Vakarchuk A.Yu. *Turisticheskiy marshrut “Zolotoye kol'tso” i Ivanovskaya oblast': kak vsyo nachinalos' (konets 1960-kh — 1970-ye gg.)* [Tourist Route “Golden Ring” and Ivanovo Region: How It All Began (Late 1960s — 1970s)] // *Trudy Ivanovskogo oblastnogo krayevedcheskogo obshchestva* [Proceedings of the Ivanovo Regional Local Lore Society] / Ed. by K.E. Baldin, V.V. Vozilov. Issue 1. Ivanovo: IGIKM im. D.G. Burylina, 2018. P. 128–135.

Поступила в редакцию
3 февраля 2023 г.